

228-й год эры Шэннин. Гун Чэню двенадцать лет

Ечэн, Поместье Дуань

Стоял промозглый мартовский полдень. Пока Гун Чэнь запекал у себя в комнате сладкий батат, в окно негромко постучали.

Тук-тук-тук.

Узнав знакомый стук, мальчик бросился к окну, на ходу перебрасывая из ладони в ладонь обжигающе горячий клубень и шипя:

— Ой-ой, горячо-горячо-горячо!..

Стоило приоткрыть раму на ширину пальца, как внутрь нетерпеливо просунулся острый красный клюв. Следом ворвался ледяной сквозняк, заставив мальчика поёжиться и поскорее захлопнуть створку.

Гун Чэнь рассмеялся, когда на него налетела белоснежная упитанная голубка. Поймав птицу, он тепло улыбнулся:

— Давно не виделись, Яя. Ну ты и раздобрела!

— Курлык, курлык, — отозвалась гостья, устраиваясь у него на груди.

Она нетерпеливо заёрзала в его руках и по привычке устремила прямо к еде, без лишних церемоний зарывшись клювом в рассыпчатую, нежную мякоть батата.

— Натерпелась же ты в дороге, — ласково проговорил Гун Чэнь.

Погладив пушистую макушку голубки, он перенёс её поближе к жаровне. Подбросил угля, чтобы в комнате стало теплее, а затем осторожно отвязал от лапки птицы скрученное послание.

На этот раз писем оказалось целых пять листов — судя по всему, жизнь Кэ Суя была ключом. Сгорая от любопытства, Гун Чэнь развернул плотную бумагу.

«Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!..» — первая страница была целиком исписана этим залившим смехом.

Гун Чэнь лишился дара речи.

«И зачем только строить своё счастье на чужих страданиях?»

Впрочем, несмотря на столь многообещающее и заставившее его скрипеть зубами вступление, остальные страницы оказались весьма содержательными.

«Слушай сюда! На днях мы с отцом приехали по делам в Ечэн, и я столкнулся с этим придурком Дуань Цинем. Видел бы ты его спесь! Ну я и не сдержался, ввязался в драку. И угадай что? Я утыкал ему всю спину иглами! Ха-ха-ха-ха-ха! Какое же блаженство!

Этот павлин дорожит своим лицом пуще жизни, так что он точно никому не пикнет. Рассказываю тебе по секрету, чтобы поднять настроение — считай, я за тебя отомстил! Восемьдесят одна серебряная игла! Представить страшно, какому бедолаге пришлось их потом вытаскивать! Ха-ха-ха-ха!

Мой дорогой друг, если этим бедолагой оказался ты, умоляю, не пиши об этом в ответном письме. Не лишай меня этой скромной радости».

Гун Чэнь глубоко вздохнул и перевёл взгляд на следующую строчку. Кэ Суй писал, к примеру, о том, что самым богатым кланом в поднебесной считается семья Цинь, однако их грозный глава на поверку оказался неисправимым подкаблучником: собираясь пропустить по стаканчику с друзьями, он вынужден клянчить медные монеты у собственного сына.

Или о том, что даже замкнутый клан Сюй, вечно избегающий любых связей с миром, вдруг закатил грандиозный пир. А ради чего? Лишь для того, чтобы громогласно объявить: они переезжают всей семьёй и в ближайшие десять лет никого не желают видеть.

Гун Чэнь читал взахлёб. Время от времени он натыкался на незнакомые иероглифы, но тут же прилежно сверялся с лежащим под рукой словарем. В самом конце письма значилось:

«Моё врачебное искусство за последнее время изрядно возросло. По моим расчётам, к моменту возвращения Яя как раз принесёт потомство. Придумай имена для птенцов — в конце концов, их мамаша любит тебя больше, чем меня.

И только посмей написать свои упаднические глупости вроде "я всё равно скоро умру, так что не стоит". Я также высчитал, что если ты будешь исправно принимать лекарства, то легко доживёшь до двухсот лет. Верь мне, я всё-таки сын божественного лекаря!»

Гун Чэнь тепло улыбнулся. Бережно сложив листы, он убрал их в деревянную шкатулку, а затем достал кисть и чистую бумагу. Голубка, наевшись досыта, уже дремала рядом, свернувшись уютным белым комочком.

Два года назад, когда он только попал в поместье Дуань, мальчик не знал и половины иероглифов, и чтение писем давалось ему с огромным трудом. Теперь же он мог всего за час исписать два листа вполне аккуратным почерком. По сравнению с полной приключений жизнью друга, его собственные будни казались пресными и сводились в основном к упорным тренировкам. И всё же он выбрал несколько любопытных домашних новостей и подробно изложил их на бумаге.

— Доброго пути, Яя, — напутствовал он голубку, выпуская её в окно.

Проводив птицу взглядом, Гун Чэнь вернулся к медитации. Но стоило ему погрузиться в созерцание, как в дверь снова постучали.

На пороге стояла статная, благородная женщина с мягкими чертами лица. На её плечи была накинута изящная шёлковая мантия глубокого синего цвета с искусной вышивкой. Позади неё замерла служанка, бережно державшая в руках какой-то сверток.

— Дуань-фужэнь? Рад приветствовать вас, — Гун Чэнь поспешно склонился в глубоком поклоне и отступил, приглашая гостью войти. Он сразу же засуетился: подбросил угля в жаровню и принялся заваривать свежий чай.

— Чэнь-эр, к чему эти церемонии? — мягко улыбнулась госпожа Дуань, делая знак служанке выложить принесённое на стол. — Присядь. Примерь-ка эти наряды. Надеюсь, тебе понравятся.

«Опять?..»

Гун Чэнь мысленно вздохнул. На него навалилась неподъёмная тяжесть.

Если и был в поместье Дуань человек, который относился к нему со всей душой, то это, без сомнения, супруга главы клана. На каждый праздник она лично приносила ему угощения и подарки, а слуги чуть ли не каждые три дня справлялись о его самочувствии. Но была во всём этом одна загвоздка...

Заметив нерешительность на лице мальчика, госпожа Дуань ласково добавила:

— Одежду шили точно по твоей мерке. Если откажешься, её никто больше не сможет носить. Будет жаль, если такие хорошие ткани пропадут.

После таких слов у Гун Чэня не осталось путей к отступлению. Ему пришлось принять дары с нижайшей благодарностью. Лишь тогда на лице госпожи Дуань расцвела довольная улыбка. Она изящно пригубила тёплый чай, слегка подув на пар:

— Пустяки, Чэнь-эр. Главное, чтобы тебе было по душе. Ах да...

«Началось», — обречённо подумал Гун Чэнь.

Как и следовало ожидать, в следующую секунду госпожа Дуань спросила:

— Как там поживает Цинь-эр в последнее время? — Она деликатно кашлянула и уточнила: — Желательно со всеми подробностями.

Гун Чэнь послушно кивнул и повернулся к служанке:

— Сестра Чжуянь, ты готова?

Служанка, успевшая невесть откуда извлечь тетрадь и кисть, сосредоточенно кивнула:

— Готова. Записываю.

И Гун Чэнь начал свой подробный доклад:

— Молодой господин за последний месяц девятнадцать раз поднимался на рассвете и одиннадцать раз проспал. Ложился рано — ноль раз, ложился за полночь — двадцать девять раз. Одну ночь он мучился бессонницей; по моим предположениям, из-за того, что на скачках в тренировочном лагере занял лишь второе место. Кроме того, он трижды ввязывался в драку: дважды одержал верх, один раз потерпел поражение. В той проигранной схватке он бился один против троих, двоих уложил на лопатки, но последний соперник свалил его с ног одним точным ударом...

Его повествование растянулось без малого на три тысячи слов. Кончик кисти в руках Чжуянь двигался так быстро, что едва ли не дымился. Наконец Гун Чэнь выдохнул:

— Мои скромные способности позволили запомнить лишь это. Надеюсь, мои сведения пригодятся вам, госпожа?

— Весьма, весьма! — Глаза госпожи Дуань взволнованно заблестели. Она поставила чашку на столик. — Однако у меня всё же осталось несколько вопросов...

Воспользовавшись передышкой, Гун Чэнь одним махом осушил семь чашек чая подряд, после чего вежливо улыбнулся:

— Слушаю вас.

— Давай-ка разберём всё по порядку, — госпожа Дуань забрала у служанки исписанную тетрадь. — Ты упомянул, что Цинь-эр раньше никогда не поднимался на рассвете, а в этом

месяце вставал рано девятнадцать раз. И чем же он занимался в эти утренние часы?

Гун Чэнь лишился дара речи.

—...

— Сюда, скорее! Помогите! Дерутся! — внезапно донёсся с улицы истошный вопль, прозвучавший для мальчика как глас спасения.

Гун Чэнь мгновенно приободрился. Напустив на себя встревоженный вид, он выглянул в окно:

— Кажется, это дядя Чжан, ухаживающий за садом. Неужели кто-то затеял потасовку прямо во дворе?

— Пустяки, верно, опять слуги что-то не поделили. Скоро прибежит стража и всё уладит, — отмахнулась госпожа Дуань, которую чужие ссоры мало трогали. — Так на чём мы остановились?

Поняв, что отвлечь её не удалось, Гун Чэнь мысленно взмолился: «Хоть бы там дрался Дуань Цинь...»

— Молодой господин Цинь! Молодой господин Сюань! Прекратите! Не нужно драться! — надрывался всё тот же несчастный голос слуги.

Услышав имена сыновей, госпожа Дуань мгновенно переменилась в лице. С грохотом хлопнув ладонью по столу, она резко поднялась:

— Идём! Посмотрим, что там происходит!

Гун Чэнь мысленно присвистнул.

Поскольку было сказано «идём», Чжуянь без лишних слов подхватила Гун Чэня под локоть, и в мгновение ока они перенеслись во внутренний двор с помощью духовной техники перемещения.

Потирая затёкшую шею, Гун Чэнь опустил взгляд. Посреди дорожки прямо в грязи яростно тузили друг друга двое подростков. Силы их были равны: у того, что в чёрном одеянии, на щеке красовались три глубокие царапины, а у соперника в белом — заплыли оба глаза.

Черноодетый забияка первым заметил появление зрителей и тут же взревел:

— Гун Чэнь! Вовремя явился! Помоги мне всыпать этому ублюдку!

Гун Чэнь деликатно откашлялся и отвёл взгляд в сторону, стараясь не встречаться с ним глазами.

— Матушка?! — Дуань Цинь вздрогнул от неожиданности. Воспользовавшись его замешательством, белоодетый юноша высвободился. — Что вы здесь делаете?

Второй малец тоже слегка побледнел. Поспешно поднявшись с земли, он низко склонился в поклоне:

— Приветствую старшую госпожу.

— Цинь-эр, Сюань-эр, по какому поводу вы устроили это непотребство? — ледяным тоном спросила госпожа Дуань.

Дуань Цинь лишь презрительно фыркнул:

— Он сам напросился.

Дуань Сюань пришел в себя куда быстрее. Отряхнув след от чужого сапога со своих белых одежд, он спокойно произнес:

— Я и сам недоумеваю. Брат Цинь внезапно налетел на меня и ударил без всякого предупреждения.

— Третье правило клана: любые драки в поместье строго воспрещены, — сурово напомнила госпожа Дуань, глядя на старшего сына. — Цинь-эр, отвечай, за что ты избил брата? Если не назовешь веской причины, тебя признают зачинщиком и накажут по всей строгости семейных законов.

Лицо Дуань Циня перекосило от злости. Судя по всему, он даже не уловил намёка матери, дававшей ему шанс оправдаться, и упрямо буркнул:

— Наказывайте, мне плевать...

— Молодой господин, — как бы невзначай вмешался Гун Чэнь, — а как вы вообще здесь оказались?

— У тебя что, мозги высохли? — Дуань Цинь закатил глаза. — Сто шагов на север отсюда и сорок на восток — и будет мой флигель! Моё присутствие здесь совершенно естественно. Ты

лучше спроси, какого чёрта здесь забыл Дуань Сюань?

Гун Чэнь промолчал, мысленно призывая себя к терпению.

«Держи себя в руках. Он ещё глуп».

Внимание присутствующих переключилось на Дуань Сюаня.

— Сюань-эр, — заговорила госпожа Дуань, — твой двор находится в Западном саду. Что привело тебя в Восточный?

Дуань Сюань бросил на Гун Чэня быстрый, колющий взгляд, но тут же вернул лицу прежнее благопристойное выражение:

— Я упражнялся в стрельбе из лука. Подбитая мною дичь упала на территории Восточного сада, и я лишь пришёл её забрать.

Гун Чэнь замер.

«Неужели птица?..»

— Именно. Почтовый голубь, — губы Дуань Сюаня изогнулись в тонкой усмешке.

У Гун Чэня на мгновение замерло сердце.

— И вы верите его бредням? — встрял Дуань Цинь, злобно зыркнув на брата. — Ни черта он не попал! Стрела улетела бог весть куда!

Дуань Сюань лишь равнодушно пожал плечами:

— Ах да, верно, я оговорился. Я подстрелил крупного коршуна. Но пока искал его, заметил в небе подозрительную птицу с посланием. Если бы не глупый пинок брата Циня, я бы непременно сбил и её.

Только после этих слов Гун Чэнь смог облегчённо выдохнуть. Значит, Дуань Цинь знал, что он тайно переписывается с другом Кэ Суем. Получается... этот заносчивый мальчишка ввязался в драку с Дуань Сюанем только для того, чтобы защитить его тайну?

— Тьфу! — смачно сплюнул Дуань Цинь. — Птица летела над землями Восточного сада, значит, она принадлежит нам! С какой стати тебе развлекаться на нашей территории?

— Брат Цинь чересчур своеволен, — холодно парировал Дуань Сюань. — А если в нашем поместье завёлся соглядатай, шлющий тайные донесения врагам? Неужели я должен был стоять и смотреть?

— Ха! Какому идиоту в наши дни придёт в голову слать почтовых голубей? Для чего, по-твоему, существует магия передачи звука? Если бы шпионы были такими непроходимыми тупицами, чтобы попадаться тебе на глаза, то грош им цена! Они были бы столь же безмозглыми, как и ты сам!

— Кого это ты назвал тупицей? — Дуань Сюань мгновенно вспыхнул. — Да ты сам круглый дурак, раз смеешь попрекать меня!

— Довольно!

Видя, что братья вот-вот снова вцепятся друг другу в глотки, госпожа Дуань устало потерла переносицу:

— Вы родная кровь и должны являть пример согласия и братской любви. Вместо этого вы устраиваете постыдные потасовки среди бела дня! Где ваше благоразумие? Какое неуважение к устоям клана! Чжюань!

— Я здесь, госпожа.

— Пусть слуги разойдутся. Всыпь обоим по двадцать ударов!

— Слушаю.

Гун Чэнь испугался, решив, что провинившихся будут пороть розгами до крови, и попытался заступиться за ребят:

— Дуань-фужэнь, пощадите их...

Однако Чжюань лишь небрежно сорвала две тонкие ивовые ветви. Направив на них духовную силу, она заставила прутья взмыть в воздух и звонко шлёпнуть обоих драчунов пониже спины. Мальчишки вмиг залились густой краской от стыда. Боль от этого была пустяковой, а вот унижение — нестерпимым.

— Чэнь-эр, ты хотел что-то добавить? — вкрадчиво поинтересовалась госпожа Дуань.

Гун Чэнь неловко улыбнулся:

— Нет, ничего.

Вздохнув, госпожа Дуань перевела взгляд на надувшихся сыновей, которые продолжали испепелять друг друга яростными взорами:

— Через несколько дней состоится торжественный приём в клане Сюй. Отец намеревался взять вас обоих с собой...

— Я с ним никуда не поеду! — в один голос выкрикнули братья.

— Кто-то из вас двоих обязан там присутствовать, — отрезала мать.

— Тогда пусть едет он! — снова хором выпалили мальчишки.

До поместья Сюй было добрых несколько тысяч ли. Дорога в один конец заняла бы не меньше полумесяца, и трястись столько времени в душном экипаже ни одному из них не улыбалось.

Дуань Сюань смиренно опустил голову:

— Старшая госпожа, в следующем месяце день памяти моей покойной матушки. Боюсь, из-за дальней дороги я не успею вернуться вовремя.

— Ты за кого меня держишь? — возмутился Дуань Цинь. — День памяти твоей матери в самом конце следующего месяца! Сейчас начало марта. Да ты даже на дряхлом осле успел бы обернуться туда и обратно дважды!

— Довольно. Пусть Сюань-эр остаётся в поместье, — приняла решение госпожа Дуань. — Цинь-эр, ты поедешь вместе с Чэнь-эром.

— Но почему я?! И постой... — Дуань Цинь округлил глаза от возмущения. — С какой стати со мной тащится этот проходимец Гун Чэнь? Кто он вообще такой... Ай!

— Гун Чэнь — твой названный старший брат! Как ты смеешь так отзываться о нём? — нахмурилась госпожа Дуань. Она мысленным усилием направила дополнительную духовную энергию в ивовый прут, заставив Дуань Циня взвыть от резкого шлепка. — За непочтительность к старшим — ещё двадцать ударов.

— Дуань-фужэнь, — поспешно взмолился Гун Чэнь, — молодой господин не хотел сказать ничего дурного...

— Не заступайся за него, — госпожа Дуань тяжело вздохнула. — Ты намного рассудительнее

его. Понимаешь ли ты, почему я отправляю вас вдвоём?

Гун Чэнь молча кивнул, понимая, что лишние слова сейчас ни к чему.

Ночь выдалась тихой, на чистом небе ярко светили редкие звёзды. Гун Чэнь тихо пробрался в соседний флигель. Дуань Цинь, лежавший на животе на широкой кровати, тут же осыпал его ругательствами:

— Паршивец! Какого чёрта притащился?

— Принёс тебе мазь от ушибов, — спокойно ответил Гун Чэнь, едва успев поймать пущенную в него тяжелую золотую пряжку для пояса. Рассмотрев вещицу, он удивлённо приподнял бровь: — О, кажется, у Дуань Сюаня точно такая же?

Эти слова задели Дуань Циня за живое. Он вспыхнул от гнева:

— Закрой пасть! С чего ты взял, что имеешь право прикасаться ко мне? Пошёл вон!

— И в мыслях не было. Мы оба мужчины, так что у меня нет ни малейшего желания трогать твой зад, — хмыкнул Гун Чэнь. Он негромко кашлянул и уже тише добавил: — Но я действительно благодарен тебе за сегодня. Если бы не твоё вмешательство...

— Я ударил этого выскочку вовсе не из-за твоей жальной птицы! — огрызнулся Дуань Цинь. — Не строй иллюзий и не пытайся набиться мне в друзья.

Гун Чэнь на мгновение задумался, глядя на золотую пряжку:

— Значит, дело в этом украшении на его поясе? У него есть какой-то особый смысл?

— Не твоё собачье дело!

— Как-никак я твой названный старший брат, почему бы мне не спросить? — без тени смущения произнёс Гун Чэнь. Покопавшись в рукаве, он извлёк обернутый в чистую холстину горячий печёный батат: — Слышал, ты остался без ужина. Держи, пока не остыл.

— Жалкий приемыш...

Дуань Цинь собирался было разразиться очередной тирадой, но при виде ароматной еды в его животе жалобно заурчало. Отбросив гордость, он выхватил клубень из рук Гун Чэня и принялся жадно жевать, невнятно бормоча сквозь набитый рот:

— Всё, проваливай.

Гун Чэнь послушно удалился. Но лишь для того, чтобы через минуту вернуться с пиалой чистой воды.

Дуань Цинь от неожиданности едва не подавился сладкой мякотью. Судорожно выпив воды из принесённой чаши, он хрипло спросил:

— Неужели ради какой-то пернатой твари ты готов терпеть любые унижения?

— Гордость не накормит и не согреет, — Гун Чэнь протянул ему золотую пряжку. — Раньше я за пару медных монет соглашался на любую чёрную работу. К тому же вещь дорогая. Если уж решишь выбросить её, сделай это так, чтобы я не видел, а то мне станет дурно от такой расточительности.

Дуань Цинь недовольно хмыкнул, но поспешно выхватил пряжку обратно и бережно спрятал в складках одежды, стараясь скрыть, как сильно дорожит этой безделушкой.

— Подарок матери? — догадался Гун Чэнь. — Но почему такое же украшение носит Дуань Сюань?

Мальчик лишь угрюмо поджал губы и неохотно кивнул. В свои двенадцать лет он ещё не научился по-настоящему скрывать свои чувства. Обида сама рвалась наружу:

— Всё, что достаётся мне, дают и ему. Но когда нас наказывают, мне всегда влетает больше. У меня есть только матушка, — с горечью продолжал он, бросив на собеседника обиженный взгляд. — Раньше мне приходилось делить её внимание с Дуань Сюанем, а теперь объявился ещё и ты.

Гун Чэнь поспешно прикрыл рот рукой, но всё же не удержался от короткого смеха. Отношения в этой семье казались ему одновременно сложными и трогательными.

— Чего скалишься? — вспыхнул Дуань Цинь.

— Твоя обида напрасна, — мягко возразил Гун Чэнь. — Госпожа Дуань добра к нам лишь потому, что обладает великодушным сердцем. Но в глубине её души никто и никогда не сможет занять твоё место.

— Ты... ты не врешь? — неуверенно протянул мальчик, недоверчиво сощурившись.

— Кому, как не мне, знать это? — убеждённо произнёс Гун Чэнь. — Суди сам: как бы тепло ни относилась ко мне госпожа Дуань, она никогда не заменит мне родную мать. И она это

прекрасно понимает.

— Неблагодарная скотина, — буркнул Дуань Цинь, хотя злости в его голосе заметно поубавилось.

Гун Чэнь лишь покачал головой, смолчав в ответ. Спустя некоторое время Дуань Цинь уткнулся лицом в мягкую подушку и глухо проговорил:

— И всё же я не замечаю, чтобы она выделяла меня среди других.

— Это же очевидно, — улыбнулся Гун Чэнь. — Моё присутствие рядом с тобой — лучшее тому подтверждение. Она отправляет меня в клан Сюй лишь потому, что беспокоится за твой несдержанный нрав. Ей нужен тот, кто присмотрит за тобой и убережёт от глупостей. Матушка переживает за тебя. По-твоему, откуда у нищего сироты вроде меня нашлись бы средства на столь дорогую целебную мазь, если бы она сама не передала её мне?

— А у Дуань Сюаня есть такая же? — тут же насторожился мальчик.

«Откуда мне знать?» — подумал Гун Чэнь, но вслух уверенно солгал во благо:

— Разумеется, нет. Ему досталось куда меньше твоего.

Дуань Цинь тихо хмыкнул и затих, умиротворённый этим ответом.

Гун Чэнь полагал, что инцидент полностью исчерпан и между ними наконец воцарилось согласие. Однако три дня спустя, когда они встретились в карете, направлявшейся к владениям клана Сюй, его ждал сюрприз.

Искренне веря, что их отношения перешли на новый уровень, Гун Чэнь приветливо помахал попутчику рукой и ласково произнёс:

— Младший брат Цинь...

— Завали свою пасть, — ледяным тоном оборвал его Дуань Цинь.

Гун Чэнь растерянно моргнул.

—...

Дуань Цинь смерил его тяжелым, полным обиды и разочарования взглядом:

— Я уже обо всём расспросил слуг. Такое же снадобье вчера отнесли и Дуань Сюаню.

«О боги...»

Гун Чэню оставалось лишь мысленно признать своё полное поражение перед этим невыносимым упрямцем.

<http://bllate.org/book/20729/2132748>